

Азия: вызовы и перспективы

«Ориентальные» Церкви Леванта и Месопотамии в условиях продолжающейся социальной фрагментации

Алексей Викторович САРАБЬЕВ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Институт востоковедения Российской академии наук. Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: alsaraby@ivran.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Сарабьев А.В. (2018) «Ориентальные» Церкви Леванта и Месопотамии в условиях продолжающейся социальной фрагментации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 4. С. 150–168. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-150-168

АННОТАЦИЯ. В нынешних условиях показательным является положение так называемых ориентальных церквей Ближнего Востока, которые объединяет сходство богослужебного языка, языка святоотеческого и исторического наследия – сирийского, а также общие черты «восточного» («ориентального») церковного обряда. Дохалкидонское исповедание веры этих христиан и их особый обряд, восточные религиозно-культурные формы даже у католических униатских общин придали им своеобразие, сохраняющееся по сей день. Судьба этих древних автохтонных христианских общин складывалась не только в условиях иноверного окружения, но и в изоляции, а то и конфронтации с основными ветвями христианства. В настоящее время иерархи этих церквей принимают участие в деятельности мировых надцерковных структур, прежде всего Всемирного совета церквей. Характерной чертой этих общин стали сравнительно благополучные диаспоральные сообщества, которые намного превы-

шают число единоверцев на исторической родине, а поэтому важной частью служения их церковной иерархии стали многообразные контакты с зарубежными епархиями. При этом на фоне подъема национальных чаяний курдов – их соседей по территориям исторического расселения – нередко используется и национальный аргумент, отсылающий к арамейскому или ассирийскому происхождению. Уязвимость положения паствы этих древних, но немногочисленных общин на Ближнем Востоке заставляет их искать материальную, а порой и политическую поддержку за рубежом. Россия пока использует только ресурс межцерковных отношений, показавший некогда свою несостоятельность, а между тем развитие культурных связей с этими общинами на их родине, финансовая подпитка различных проектов на светской основе вкупе с необходимой гуманитарной помощью могли бы также содействовать укреплению имиджа нашей страны на Ближнем Востоке. Реализация культурных, научных и обра-

зовательных инициатив по поддержке «ориентальных» общин могла бы стать еще одним направлением плодотворного участия России в судьбе региона, стать на пути наблюдаемой фрагментации ближневосточных обществ, способствовать улучшению положения названных общин и нормализации межконфессиональных отношений в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ближний Восток, древние восточные церкви, социальная фрагментация, конфессионализм, национализм, яковиты, несториане, халдеи, ассирийцы, сирийский язык

Трагедия углубления социальной разобщенности

Почти с самого начала нынешнего века социальные отношения в ряде стран Ближнего Востока подвергаются сильнейшим испытаниям. После хладнокровно разработанного и предварительно тщательно просчитанного вторжения американцев в Ирак в 2003 г. началась «горячая фаза» дестабилизации всего региона. В Ираке резкое изменение этноконфессионального властного представительства вкупе с активизацией салафитских экстремистов привели к противопоставлению социальных групп по религиозно-конфессиональному принципу. Углубление социальной фрагментации в отдельные моменты имело свои пики, вызванные усилением в гражданском конфликте племенного, антисекулярного, национального пафосов.

В ходе волн либерализации в Сирии в первые годы столетия стали поднимать голову исламисты из запрещен-

ной в стране организации «Братья-мусульмане», что вызвало объяснимую реакцию правительства и вновь обострило давнее противостояние. С началом нынешнего сирийского конфликта, преодолевшего уже семилетний рубеж, среди населения стало пропорционально возрастать недоверие, а где-то и жажда мести за обиды, нанесенные друг другу представителями разных групп, выходцев из разных конфессиональных общин. Вскоре, правда, общая угроза в лице джихадистов-халифатистов решительно отодвинула на второй план взаимные претензии традиционных сирийских общин. Тем не менее эти претензии остались, в разной степени влияли и продолжают оказывать дегармонизирующее воздействие на социум.

В одном из интервью яковитский патриарх Мор Игнатиос Афрем II «сокрушался о фрагментации» сирийского общества: «Сирия была одной из самых толерантных стран на Ближнем Востоке в отношении людей разных религий, работающих вместе и принимающих друг друга – не просто терпимых, но принимающих друг друга, работающих друг с другом. (...) Религиозному разделению вовсе не было места ни на улицах, ни на рынках, ни в отношениях между людьми. Это все ново для нас. Мы полагаем, что некоторые идеологии были экспортированы в Сирию, в результате чего мы видим Даеш, Ан-Нусру¹ и другие группы, забирающие жизни как мусульман, так и христиан»².

И в Ираке, и в Сирии развитие ситуации вызвало, кроме прочего, и жуткие проявления вражды и жестоких убийств на почве религиозной неприязни. Массового характера эти про-

¹ Организации запрещены в Российской Федерации.

² Syria Belongs to Its People: Syriac Orthodox Patriarch (Interview) (2015) // Al-Sharq Al-Awsat, January 26, 2015 // <http://www.aawsat.net/2014/12/article55339556>, дата обращения 23.03.2018.

явления не получили, но имевшие место факты были настолько вопиющими, что потрясали воображение. Резне в Сирии подвергались не только алавиты, которым мстили за действия властей или алавитских милиций «Шабиха», а в Ираке – не только сунниты, которые оказались теперь лишены былого якобы всевластия, но и христиане, причем самых разных конфессий – и православные, и католики, и монофизиты, и несториане, причем как арабы, так и нацменьшинства (армяне, ассирийцы, яковиты-«сириаки»). Будучи в уязвимом со всех сторон положении, христианские общины становились мишенью джихадистов-салафитов, исламистов-шиитов, националистов-курдов и других [Aprim 2010]. Разрушения христианских храмов и монастырей, убийства священников и диаконов, простых верующих, похищение людей, а к тому же и введение в некоторых местах непомерных поборов с христиан (джизы) и просто грабеж и насильственное изгнание – все это заставляло христиан массово покидать свои земли. В огромном количестве уезжали также мусульмане-сунниты и представители других групп населения, и социальная фрагментация тем самым усугублялась внутренней миграцией и эмиграцией.

Проблема эмиграции давно стала привычной для Ливана и Палестины, и отъезд за рубеж христиан разных конфессий, представляющих собой меньшинства, болезненно отражается на оставшихся – на их политических правах и общественной значимости. Особенное звучание в последнее время приобрел вопрос продажи земель, принадлежавших христианам, и даже церковной собственности, ко-

торая относится к разряду вакфа и не подлежит продаже. Против этих акций многократно предупреждают клирики всех рангов, и тем не менее раз за разом разгораются скандалы с незаконными сделками с церковной недвижимостью, которые сотрясали, в частности, Иерусалимский православный патриархат в 2005 и 2017 гг.³

Тем временем на разных международных площадках – как религиозных, так и политических – провозглашалась новая эпоха гонений на христиан региона. Совершенно обоснованное беспокойство о судьбе ближневосточных христиан имело лишь одно негативное следствие: остававшиеся в Леванте (Шаме) и Месопотамии христиане вдобавок к риску для жизни, имущества и достоинства еще и стремительно теряли образ неотъемлемой части местных социумов, их членом с полным набором гражданских прав. Они превращались в глазах многих в лучшем случае в «индиженат» или даже едва терпимый пережиток эллинистической эпохи региона. В любом случае, в условиях внутренней миграции они практически выпадали из социальной структуры.

Вот что писал еще до начала вихря хаотизации Ближнего Востока под названием «арабская весна» канадский профессор Пол Роу, обеспокоенный упадническими настроениями относительно положения христианских общин: «Широко распространенные сегодня обсуждения сокращения численности христиан Ближнего Востока способствуют лишающему всякого мужества утверждению, что те являются жертвами преследований или просто-напросто экспонатами угасающего прошлого. Такие утверждения чреваты

3 См. текст декларации палестинской «Национальной конференции в поддержку арабского православного дела» в Вифлееме 1 октября 2017 г. «Православные церковные вакуфы – органическая часть земли, родины и национальной идентичности» (на араб. яз.).

тем, что христиане рискуют быть вновь ограблены – им отказывается в их влиянии как могучей действующей силы в своих обществах. (...) Продолжение анализа и документирование деятельного общественного участия христиан, которые сталкиваются как с общими для своих соотечественников, так и с особыми проблемами, помогут нам лучше понять, как христиане остаются подлинными и активными гражданами ближневосточных государств» [Rowe 2010, p. 473].

Совершенно бесспорно, что арабские общества Леванта продолжают переживать сильнейшее потрясение и фрагментацию в ходе «волны турбулентности», в которую оказались затянуты с 2011 г., и при этом христианские общины испытывают давление и насилие, оказываясь первыми жертвами действий религиозных экстремистов и социальных столкновений. Тем не менее приведенное мнение можно считать верным даже в этом случае, принимая в расчет обоснованную надежду на удовлетворительный выход из ситуации и устремленность в будущее тех христиан региона, которые приняли решение держаться за родную землю.

Доля христиан в Леванте сильно сократилась за несколько десятилетий, составляя теперь, по самым оптимистичным подсчетам, в Сирии около 6%⁴ населения, в Ливане – 39%, в Ираке – всего несколько десятков тысяч человек (хотя в 2005 г., то есть уже после мощной волны эмиграции, их оставалось 450 тыс., 1,5%) [Poujeau 2014, p. 458]. Впрочем, конфессиональный состав населения этих стран неизбежно меняется при очень высоких темпах роста населения в целом: только за

минувшую четверть века число жителей Сирии возросло с 13,5 до 18,3 млн (с учетом более 4 млн недавно покинувших страну беженцев), Ирака – с 19,2 до 39,2 млн, Ливана – с 3,6 до 6,2 млн (с учетом около 1,5 млн беженцев), Иордании – с 3,8 в 1993 г. [Lévy 1993, p. 3] до 9,7 млн в 2017 г. [Pison 2017, pp. 3–4].

Как бы то ни было, семя раздора, заброшенное в иракское и сирийское общества войной и гражданскими столкновениями, еще долго будет пробиваться сквозь почву примирений и элементов социальной стабилизации. В обществе утрачено самое главное – доверие общин друг к другу (особенно в Сирии) и даже уверенность в гражданском единстве перед лицом общих внешних угроз (особенно это касается Ирака). Трагическое углубление социальной фрагментации, к сожалению, продолжается, и новые испытания для религиозных общин (особенно воздействие разного рода «мягкой силы»), по видимому, еще впереди.

Церкви «сирийского» обряда

Все без исключения церкви и христианские общины на Ближнем Востоке переживают упомянутые трудности и сложные внутренние процессы. Пожалуй, наиболее рельефно их проблемы можно показать на примере сравнительно небольших конфессий, из которых особый интерес представляют так называемые древние восточные церкви (как их называет «Православная энциклопедия», «ориентальные нехалкидонские Церкви» [Вселенский II собор 2005, с. 583]), а также когда-то отделившиеся от них и перешедшие под

4 По сравнению, например, с 13% в 1953 г. При этом остальное население Сирии вовсе не представляет собой гомогенного мусульманского «большинства»: около 71% арабов-суннитов, сунниты иных национальностей – 8% курдов, 0,6% туркоманов и 0,4% «черкесов», а также 10% алавитов, 2% друзов, 1% исмаилитов, 0,4% шиитов-двунадесятников, 0,1% курдов-езидов [Poujeau 2015, p. 139].

юрисдикцию папского престола самостоятельные униатские общины. Исходя из особенностей церковной традиции, в работах западных ученых их именуют восточными, но в отличие от, например, православных патриархатов Ближнего Востока или Восточной Европы – также восточных, *Eastern*, – к ним применяется определение *Oriental*. В российской научной традиции такое размежевание понятий существовало, в частности, в работах XIX в., когда ближневосточные церкви (а также, например, церкви Африки – Коптскую, Эфиопскую, – и Индии – Маланкарскую, Малабарскую и др.) называли «ориентальными», чтобы выделять из «восточных» вообще. В настоящее время этот термин стал редким, но все же употребляется⁵.

На территориях Исторической Сирии (или Шама), Ирака и юго-востока Турции такими «ориентальными» церквями являются Сиро-православная⁶ (яковитская), Ассирийская церковь Востока (несторианская) и, соответственно, Сиро-католическая и Ассиро-халдейская церкви⁷. Несколько особняком стоит в этом ряду Маронитская церковь, которая, являясь католической (ее патриархи даже иногда избираются в число кардиналов Римской церкви, например, патриарх на покое Насралла Бутрос Сфейр и нынешний патриарх Бешара Бутрос ар-Раи), не имеет некатолического аналога, отста-

ивая свою всегдашнюю историческую приверженность католическому вероисповеданию. Нужно заметить, что утилитарные именованья этих церквей как, соответственно, монофизитской яковитской и несторианской (а тем более выводы историков о монофелитском прошлом маронитов), как правило, вызывают острый протест самих верующих этих конфессий. Они заявляют при этом о недопустимости упрощенного подхода и обидных исторических обобщений, порожденных якобы недопониманием и пропагандой, вызванной, в том числе, политическими противоречиями.

Общим в этих конфессиях является древний богослужебный язык – сирийский (араб. *сурйанийя*, сир. *сурйойе*) и богатейшее религиозно-культурное наследие, складывавшееся самостоятельно от «византийской», или «ромейской» (*рум-ортодокс*) Православной церкви. Соответственно, все в целом носители этой религиозной культуры на основе арамейского наследия именуются в регионе общим арабским названием *сурйан* (в работах российских ученых XIX в. и даже впоследствии⁸ их иногда именовали «сириаки», используя кальку с фр. *syriaques*), а иногда также *ашурийин* (ассирийцы). Сирийский язык в двух своих ветвях – западной и восточной – претерпел небольшие изменения, которые несколько развели эти направления. В частности, в за-

5 См., например, «Меморандум о понимании и сотрудничестве между Восточной Православной Церковью, Ориентальными Православными Церквями и Объединенными библейскими обществами» от 11 января 2011 г. на официальном сайте МП РПЦ www.patriarchia.ru.

6 На сайте Московского патриархата и некоторых других официальных порталах Русской Православной Церкви сейчас это самоназвание переводят как Сирийская Ортодоксальная, Сиро-ортодоксальная или Сиро-Яковитская Церковь, избегая употреблять в ее отношении термин «православная». См., например, <https://mospat.ru/ru/2018/04/16/news159197/>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/5180899.html>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/5185518.html>. Однако встречается и название Сиро-Православная Церковь, см.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4891505.html>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/4891424.html>.

7 Патриархами в настоящее время являются: Мор Игнатий Аффем II, Мар Геваргис III, Игнатий Юсеф III Юнан и Луис Рафалель I Сако, соответственно.

8 Этот термин – правда в отношении языка – употребляет, в частности, автор работы «О Маронитской церкви», в настоящее время – архимандрит Филарет, зампреда ОВЦС МП и завкафедрой Общецерковной аспирантуры [Булеков 1999, с. 350].

падно- и восточно-сирийской традициях приняты разные варианты алфавита, *серто* и *эстрангела* соответственно.

Впрочем, сирийский язык продолжает использоваться также в основных частях богослужений Маронитской церкви, которая в Ливане занимает очень высокое положение среди христианских конфессий. Политический вес этой общины весьма значителен и в масштабах региона: в частности, маронитский патриарх возглавляет Совет ближневосточных патриархов. В одном из интервью патриарх маронитов Бешара ар-Раи заявлял сам о себе так: «Маронитский патриарх признан примасом Ливана в церковной сфере. Недавно на заседании Исламско-христианского саммита и православный митрополит Бейрутский Илияс Ауде, и глава Сиро-православной церкви Игнатиос Закка I Ивас подтвердили, что церковь в Ливане сосредоточена вокруг Маронитского патриархата, который ее направляет. Что касается мусульманских религиозных лидеров, то единственное место, где они соглашаются встречаться с христианами, это [резиденция маронитского патриарха] Бкерке» [Raï, Dillmann 2014, p. 25].

В отношении рассматриваемых «ориентальных» конфессий характерны как общие для всех христиан Шама и Ирака, да и вообще жителей региона проблемы, так и особенные, стоящие на первом плане в конкретных общинах. Помимо очевидной общей для христиан проблемы сохранения своего присутствия на Ближнем Востоке, общинами для паствы этих церквей являются также следующие.

А. Взаимоотношения с единоверцами в диаспорах по всему миру, которые в основном намного превышают численность общины на исторической родине.

Б. Сокращение роли церковных богослужений в жизни прихожан (осо-

бенно в условиях миграций) и сдвиг в сторону «келейности», домашней молитвы, что неизбежно ведет к ослаблению внутренних связей в общине и релятивизации церковного обряда. В перспективе этот вектор, похоже, может привести к сближению с евангелическими или харизматическими движениями.

В. Сохранение, изучение и применение исторического языка богослужений, религиозно-культурного наследия и фольклора; распространение сирийского языка в качестве средства бытового общения и языка периодики.

Г. Поиск своего места в сообществе христианских деноминаций всего мира, стремление сохранить свой статус «древнейших» среди церквей, особенно на уровне Всемирного совета церквей (ВСЦ).

Д. В нынешних тяжелых для региона условиях эти общины, возможно, продолжают поиск внешних патронов – сил, на которые смогут опереться с минимальным риском утратить свою специфику.

Частными для этих конфессий можно признать, например, такие проблемы, как взаимоотношения с отдельными общинами у себя на родине, в чем наблюдается отчетливая специфика, противостояние продолжающейся ассимиляции местных обрядов под действием внешних влияний, особенно в условиях бытования католических униатских «ориентальных» общин (об актуальности проблемы «уважения к восточным обрядам» см., в частности [Girard 2013, p. 338]), вопросы политического участия – особенные в каждой отдельной стране и др.

Ниже пойдет речь преимущественно об указанных выше конфессиональных общинах, за исключением маронитской, которая и вообще значительно выделяется ввиду своей численности и политического веса (не только

в Ливане, но даже и в Сирии), а также потому, что многие процессы в этой общине были в достаточной мере проанализированы в нашей книге [Родионов, Сарбьев 2013]. На этот раз за скобками исследования приходится оставить и Армянскую церковь с ее богатейшей восточной традицией и значительной паствой на Ближнем Востоке, униатскую армяно-католическую общину, а также коптов и других христиан «восточных» обрядов, проживающих в диаспорах в странах Леванта и Месопотамии. Анализ выбранных четырех конфессий «сирийского обряда» с наибольшей рельефностью продемонстрирует общие для христиан региона проблемы.

Экуменизм

Одной из явных общих тенденций в жизни рассматриваемых церквей является нарастающее стремление объединить усилия. Оно естественным образом вырастает из многочисленных трудностей, которые переживали в своей истории эти восточно-христианские общины. Оно обусловлено также осознанием неизбежности упадка в случае изоляции их друг от друга, обреченности на неудачи в хозяйственном, культурно-образовательном и политическом планах. И конечно, эти церкви заинтересованы в сотрудничестве с крупными христианскими общинами в глобальном масштабе – католическими, православными, разного рода протестантскими и даже набирающими мощь сравнительно новыми «харизматическими» движениями. Церковное начальство активно вовлечено в деятельность международных христианских организаций, и в первую очередь ВСЦ. Помимо конференций и саммитов, они участвуют и в совместных молитвах, богослужениях и даже таин-

ствах – крайних проявлениях экуменистской активности.

Причин для нового этапа экуменизма ближневосточных церковных иерархий несколько. В числе первых можно выделить продолжение пропаганды этого движения по всему миру, которое получает поддержку многих политических организаций и лидеров, а также финансовую подпитку. Сюда же примыкает и мощная экспансия в регионе разного рода евангелических и харизматических деноминаций, в том числе «новых религиозных движений», которые пытаются перехватить у местных приходов инициативу в области социальной поддержки населения и демонстрируют энергичность, активность в работе с молодежью и широкие финансовые возможности. И энергия в их работе, и возможности выглядят привлекательными для многих церковных иерархов общин «сирийского обряда», ослабленных у себя на родине и, наоборот, набирающих силу в диаспорах – в странах с протестантским или католическим большинством населения. Вовлечение в экуменическую деятельность и сотрудничество с успешными деноминациями в таких условиях, видимо, признается церковным начальством необходимым.

Следующая причина вырастает из ощущения приобщенности к политической и материальной мощи, которое возникает у небольших ближневосточных общин при все более глубоком вовлечении в растущую сеть христианских церквей и деноминаций в глобальном масштабе. Укрепление межцерковных связей, взаимная материальная помощь и, главное, осознание приобщенности к некоему «мировому христианству» через организации под эгидой ВСЦ порождают в иерархии, по всей видимости, чувство уверенности в будущем для своих общин.

Еще одной причиной тяги к объединительным акциям на межцерков-

ном уровне может быть желание активизировать материальные возможности диаспор, которые для большинства христианских общин Ближнего Востока имеют ключевое значение в плане благосостояния, лоббирования интересов перед властями принимающих государств, политической протекции и международной финансовой помощи. Пример такого рода явлений приводит цитируемый выше П. Роу: «В Палестине вспыхнувший с новой силой экуменизм привел к небывалому сотрудничеству как с признанными, так и с новыми церквями, а кроме того позволил палестинским христианам поведать о своей судьбе единоверцам за рубежом» [Rowe 2010, p. 473].

Интерес к рассматриваемым общинам проявляла и Россия: объединительное движение между Русской Православной и «ориентальными» церквями получило новый мощный импульс с создания в 1985 г. «Смешанной богословской комиссии по богословскому диалогу между Православной и Древними Восточными Церквями» (Шамбези, Швейцария). Наряду с постоянной работой этой богословской комиссии имели место несколько представительных конференций (см.: [Шапо 2001; FitzGerald, Gratsias 2007]), в том числе в Ливане, что позволило яковитскому митрополиту Алеппскому Григориосу Юханне Ибрахиму в 1998 г. выразить надежду на скорое каноническое единство: «Наша Сиро-православная церковь также печатает и распространяет новые книги на разных языках, чтобы объяснить, что экуменический диалог является неотъемлемой частью нашей современной истории. Являясь официальным представителем Сиро-православной церк-

ви в экуменических диалогах, я преподаю этот предмет в нашей семинарии в Маарат-Сейднае близ Дамаска и других местах. Положительные результаты официального диалога между Ориентальной (Oriental) православной семьей и Восточной (Eastern) православной семьей могут привести к полному общению (full communion), надеюсь, уже через несколько лет. Наша Церковь хорошо подготовлена к этому великому историческому событию. Вся наша Церковь, включая диаспору, готова, даже психологически, признать любое решение, принятое нашим Синодом для полного общения с восточными православными (Eastern Orthodox)» [Ibrahim 1998, pp. 10–11].

Недавно диалог был возобновлен. В частности, осенью 2015 г. состоялся визит патриарха Мор Игнатiosa Афрема II в Москву, а уже в мае 2017 г. была учреждена «Двусторонняя комиссия по диалогу между Русской Православной Церковью и Сиро-Яковитской Церковью». Основными темами работы Комиссии были названы сотрудничество в гуманитарной, информационной и академической сферах, противодействие христианофобии, контакты в диаспоре и социальное служение⁹.

Заинтересованность в привлечении на свою сторону «ориентальных» церквей проявляет и Ватикан. Еще в ноябре 1994 г. папа Иоанн Павел II и несторианский патриарх Мар Дынха IV подписали «Совместную христологическую декларацию», где утверждалось единство их христологического исповедания. Предусматривалась также совместная деятельность в области катехизации и подготовки священников. При этом была учреждена «Двусторонняя комиссия по богословскому диало-

9 Журнал № 59 заседания Священного Синода от 29 июля 2017 г. // Московская Патриархия. 29 июля 2017 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4971905.html>, дата обращения 23.03.2018.

гу», имеющая конечной целью полное литургическое общение.

Параллельно шло сближение между Ассиро-халдейской католической церковью и Ассирийской церковью Востока. В ноябре 1996 г. тогдашние патриархи Мар Дынха IV и Рафаил I Бидавид подписали в Саутфилде (Мичиган, США) «Совместное патриаршее заявление», а уже в августе 1997 г. было принято «Совместное синодальное постановление, способствующее соединению», образована «Смешанная комиссия воссоединения» и провозглашено, что стороны признают апостольское преемство иерархии и таинства друг друга [Робертсон 1999, с. 27–28]. Потом последовало некоторое затишье в этом процессе, но в 2013 г. с той же инициативой выступил новый халдейский патриарх Луис Рафаэль I Сако, возобновивший вместе с ассирийским патриархом работу комиссии. Пока все эти шаги навстречу не привели к решению о евхаристическом общении, то есть к объединению по существу. Впрочем, есть все основания предполагать в ближайшее время новый всплеск объединительных усилий.

Что касается участия дохалкидонских церквей Леванта и их католических униатских аватар в межцерковных контактах по линии ВСЦ, то они, будучи сами древнейшими и исповедующие христианство на древнейшей земле, занимают в них видное место. Так, на прошедшей в рамках очередной конференции ВСЦ («Всемирная миссия и евангелизация») 12 марта 2018 г. в Танзании «Сессии лидеров, представителей и участников православных церквей» председательствовал патриарх Сиро-православной церкви Афрем II. Темой этой сессии была роль во всем ми-

ре православных церквей, их участие в ВСЦ и взаимодействие с другими церквями¹⁰. Пикантность ситуации, как и подчеркнуто экуменический характер самой сессии, придавал тот факт, что Сиро-православная церковь, конечно, не состоит в евхаристическом общении с православными церквями, поскольку, в частности, содержит монофизитские элементы в своей догматике.

Национализм и особенности политического участия

Нынешнее пристальное внимание к такой характеристике ближневосточных обществ, как «глубокая разделенность», придает повышенную актуальность национальному вопросу в отношении этих христиан с непростой исторической судьбой. Их особая национальная идентичность уже преломляется в идеях национализма, апеллирующего к глубокому, условно говоря сирийскому (англ. *syriac*, фр. *syriaque*, нем. *syrenisch*) наследию и языку (араб. *сурйанийя*). Наиболее отчетливо национальные чаяния выражают представители восточной ветви этой древней культуры – ассирийцы: они настаивают на увеличении представительства в иракском парламенте и автономных госструктурах Иракского Курдистана, а кроме того, их воинские формирования эффективно воевали против джихадистов бок о бок с регулярными частями и отрядами курдских пешмерга.

В отношении национальной принадлежности описываемых общин до сих пор нет единого мнения. В устах общественных деятелей и политиков звучит то одни, то другие аргументы, и это при том, что вопрос идентичности этих

10 Orthodox Session in Arusha (2018) // Syriac Orthodox Patriarchate, March 12, 2018 // <http://syriacpatriarchate.org/2018/03/orthodox-session-in-arusha>, дата обращения 23.03.2018.

христиан нередко служит основанием для политического дискурса в духе конфессионализма. Исторически обе эти группы – носители западной и восточной ветвей арамейского языка – и составляли паствы, соответственно, яковитской и несторианской церковных общин (см.: [Wozniak 2011]). На протяжении веков они развивались обособленно и в разном религиозном и национальном окружении. Автор детального материала «Собратья по геноциду» Тесса Саввидис (Хофман) так выражала этот общепринятый факт: «Большинство оттоманских ассирийцев проживали в провинции Ван (Хаккяри), большинство арамейцев – в провинции Дيارбекир, где их древний центр расселения находился на меловом плато Тур Абдин» [Саввидис 2012, с. 11]. В другом эссе она указывала и разную этническую принадлежность: соответственно, арамеи (*оромойе*, богослужебный западно-арамейский язык, около 15 тыс. носителей) и ассирийцы (*атурайа*, или «суйрайа района Хаккяри») [Hofmann 2016, p. 1].

Западно-сирийские (яковитские) общины отстаивают, как правило, свои арамейские корни, не упоминая ни Ашшур, ни древних ассирийцев, при этом относя себя к древнейшим прародителям сирийской нации: «Наименования сириец (Syriac/Syrian) и Сирия не использовались арамеями, а были усвоены лишь в эпоху Селевкидов, когда был завершён перевод Септуагинты (280 г. до н.э.), в котором названия “Арам” и “Сирия” использовались как взаимозаменяемые. Так наименование сириец (Syriac/Syrian) стало известно арамейскому народу и после Христа сделалось религиозным и культурным обозначением этих людей – культурной идентичности арамейского происхождения и христианской религиозной идентичности. Таким образом, каждый сириец (Syriac) – христианин, но не наоборот».

Впрочем, ряд исследователей смешивают наименования этих христиан: ассирийцев и сирийцев, ассиро- и сиро-халдеев, даже несториан и яковитов, именуя их якобы по происхождению – ассирийцами [Petrosian 2006, p. 113]. Ясно, однако, что обе эти ветви восточного христианства стремятся каждая со своих позиций обосновать уникальную ближневосточную национальную идентичность – соответственно, сирийско-арамейскую и ассирийскую. «Ассирианизм происходит из этнического определения всех христиан месопотамского происхождения и их сирийского (*langue syriaque*) богослужебного языка независимо от конфессиональной принадлежности и стремится объединить две исторически противоположные ветви – западных сирийцев (“яковитов” или “монофизитов”) и восточных сирийцев (Syriaques), называемых ассиро-халдеи (“несториане”). Это определение подчеркивает скорее славные древние корни, чем христианское исповедание» [Heyberger, Girard 2015, p. 23].

Такому «ассирийскому» течению как бы противостоит арамеизм, или сирианизм, где центральной является общность сирийского языка литургии и таинств [Armbruster 2013, 131–156]. Один из авторов даже упоминал, что был свидетелем «нападок на сирийцев (Syriacs), не верящих в ассирийское происхождение своего народа» [Messo 2001].

Еще одним этнонимом считалось наименование «халдеи», у которого в эллинистической литературе были и особые коннотации, связанные с этим этносом. Джон Жозеф, автор классической работы о несторианах, писал в том числе о «халдейской» идентичности «ориентальных» христиан. Он замечал: «Слово “халдей”, как и “несторианин”, использовалось долго до раскола XVII века и применя-

лось ко всем восточно-сирийским христианам из-за географического расположения их церковного центра» [Joseph 1961, p. 9]. В настоящее время это имя прочно закрепилось за иракскими несторианами-униатами, составляющими подавляющее большинство христиан этой страны.

Важнейшее событие, к которому постоянно обращаются представители описываемых общин, – это геноцид «Сейфо», составляющий по сути одно целое с печально известным армянским геноцидом со стороны младотурок. В начале июня 2016 г. Бундестаг Германии признал геноцид, причем в документе, помимо армян, упоминались и «другие христианские этнические группы, особенно арамейские/ассирийские и халдейские христиане (Aramean/Assyrian and Chaldean Christians)»¹¹. Трагическая память о геноциде является для этих христиан краеугольным камнем национальной исторической памяти начала XX в.¹² Их национальные чаяния подпитываются также трагизмом гонений 1933 г. в Иране, тяжелыми внутрирегиональными миграциями, а уже в недавнем прошлом – трудным положением в курдских районах и Мосуле, а затем угрозой со стороны джихадистов¹³.

На политическую активность иракских христиан-ассирийцев, подкрепленную их боевыми формированиями, влияли два основных фактора: необходимость действовать в условиях акти-

визации курдов и реальная угроза со стороны джихадистов. Весной 2018 г. к ним добавилась еще и предвыборная парламентская кампания. На этот раз в состав ассирийской Коалиции Месопотамии 144 (Итиляф ар-Рафидайн 144) вошли обе основные христианские партии – Ассирийское демократическое движение, или Зоваа (милиция – «Хдайват сета́ра д-шта́ха д-Нинве»), и Ассирийская патриотическая партия, или Атранайа (милиция – «Двех нафша»).

Церковь сохраняет определенную дистанцию от действий боевых отрядов христиан, не препятствуя, конечно, их борьбе за свои права. Так, комментируя новость о готовности США выделить средства для вооружения и обучения христианских милиций в Ниневии, яковитский патриарх Афрем II заявил: «Как церковь, конечно, мы не говорим о вооруженных группах и убийстве людей, но мы говорим о самообороне, и эти люди имеют право защищаться»¹⁴.

Подразделения ассирийцев, воевавших вместе с курдами за освобождение Ниневии, не только в психологическом, но и в политическом плане укрепили позиции христиан Ирака. Христианские районы Ниневии, за автономию которых ратуют упомянутые партии, были опустошены, и восстанавливать их собираются сами христиане. Очевидец, находившийся в одном из ассирийских отрядов, писал: «Каракош (мест-

11 Abraham M.A. (2016) German Recognition of Armenian, Assyrian Genocide: History and Politics // AINA.org, June 6, 2016 // <http://aina.org/releases/20160606170745.htm>, дата обращения 23.03.2018; Smale A., Eddy M. (2016) German Parliament Recognizes Armenian Genocide, Angering Turkey // The New York Times, June 2, 2016 // <https://www.nytimes.com/2016/06/03/world/europe/armenian-genocide-germany-turkey.html>, дата обращения 23.03.2018.

12 Эта память поддерживается в диаспоре по всему миру, в частности в Швеции, где община наиболее крупная и активная: геноцид «Сейфо» официально признан там в 2010 г., а в 2016 г. снят документальный фильм "Seyfo 1915 – The Assyrian Genocide", получивший широкий резонанс, в том числе вызвавший протест со стороны посольства Турции // <http://aina.org/releases/20160426193430.htm>, дата обращения 23.03.2018.

13 Kadi S. (2014) Iraqi Christians Seek Home Abroad // The Daily Star, August 08, 2014, p. 4 // <http://www.dailystar.com.lb/News/Lebanon-News/2014/Aug-08/266432-iraqi-christians-seek-home-abroad.ashx#ixzz39oFes1LN>, дата обращения 23.03.2018.

14 Syria Belongs to Its People: Syriac Orthodox Patriarch (2015) // Syriac Orthodox Patriarchate, January 26, 2015 // <http://syriacpatriarchate.org/2015/01/syria-belongs-people-syriac-orthodox-patriarch/>, дата обращения 23.03.2018.

ные названия – Хамдания или Багдида. – А.С.) был самым важным христианским городом Ниневи. Таким образом, милиция решила заняться восстановлением города... И не имеет значения, что освобожденный Каракош почти необитаем, поскольку христианское присутствие уничтожено... – апокалиптический ландшафт, который беженцы обнаружат по возвращении»¹⁵.

Отличительной чертой политической дискуссии иракских ассирийцев-халдеев является полная отделенность националистической риторики от религиозной. Ни в речах, ни в программах этих политиков не звучат религиозные аргументы, напротив – раздается призыв (например, в программе Коалиции Месопотамии 144) «отказаться от политики сектантских квот, дискриминации, изоляции и маргинализации коренных компонентов иракского общества» [Barnamaj wa al-minhaj al-siyasi 2018]. Такой светский национальный/ националистический характер политического участия христиан Ирака, в общем, является исключением для региона. И этот феномен требует отдельного осмысления.

Среди особенностей политической программы ассирийской коалиции можно выделить следующие: специально прописанный «запуск кампаний по примирению на общинном и национальном уровнях», «реализация принципа национального партнерства и обеспечение справедливого представительства всех частей иракского народа», «реформирование административной и финансовой системы путем внедрения передовой системы электронного правительств», «осуществление административной децентрализации», «создание в Ни-

невии административных единиц и администраций для регистрации граждан и предотвращения демографических изменений» [Barnamaj wa al-minhaj al-siyasi 2018].

Таким образом, закрепление присутствия в регионе становится для христиан ближайшей задачей, выполнению которой они пытаются осуществлять с помощью светских политических средств. Притом национальный компонент в этом деле играет важнейшую роль, а в Ираке, возможно, и первостепенную.

Христиане «рассеяния»?

В жизни «ориентальных» церквей очевидным является огромное значение зарубежных епархий. Они располагаются в США, Швеции, Нидерландах, Германии, Франции, России, других европейских странах, а также в Австралии и странах Южной Америки. Численность диаспор, как и паствы отдельных епархий или диоцезов, оценивается очень приблизительно.

Паства Ассирийской церкви насчитывает порядка 100 тыс. прихожан на Ближнем Востоке и еще 150 тыс. – по всему миру (правда, сами ассирийцы заявляют о полумиллионной диаспоре только в Европе). Ее зарубежные епархии располагаются в Швеции, Канаде, Австралии и две – в США. Большой приход имеется в Москве.

Ассирийско-халдейская церковь имеет еще большее зарубежное представительство: три диоцеза в США (около 170 тыс. прихожан), значительные общины в Канаде, Франции, Швеции, Бельгии и Германии.

15 Европейские исследователи охотно посвящают свои работы этим иммигрантским сообществам Kanabus B. (2016) Au Coeur d'une Milice Chrétienne Intégrée à la Coalition contre Daech, les Nineveh Plain Protection Units (NPU) // Huffington Post, October 17, 2016 // https://www.huffingtonpost.fr/benoit-kanabus/au-coeur-dune-milice-chretienne-integree-a-la-coalition-contre_a_21584197, дата обращения 23.03.2018.

Почти половина паствы Сиро-православной церкви – около 150 тыс. чел. – проживает за пределами Ближнего Востока (три архиепископии и множество викарятств). Также примерно половина общины Сиро-католической церкви – около 50 тыс. чел. – составляет диаспору в разных странах мира [Heyberger, Girard 2015, pp. 15–16; Шайо 2013].

Большинство общин в Европе – довольно молодые (формировались с 70-х гг. XX в.), но развиваются бурно и притягивают к себе внимание особым колоритом богослужения и языка. Европейские исследователи охотно посвящают свои работы этим иммигрантским сообществам¹⁶. Наследие «ориентальных христиан» детально изучают в Европе и Америке. Например, в Голландии это кафедры Университета Лейдена и Католического института Неймегена.

Интересы рассматриваемых церквей за пределами Ближнего Востока практически не пересекаются, что почти исключает какую-либо их конкуренцию. Во многих странах идут научно-культурные контакты с представителями этих общин, в том числе по церковной линии. В частности, патриархи и епископы этих церквей участвуют в различных гуманитарных и культурных проектах¹⁷, касающихся их паствы. Совершаются частые пастырские поездки первоиерархов¹⁸, нередки их встречи друг с другом и с глава-

ми других церквей – Православной Антиохийского патриархата, Мелкитской греко-католической, Армянской, Коптской и др.

При минимальном вовлечении церковной иерархии протекает зарубежная деятельность более национально ориентированных организаций, особенно ассирийских. В частности, 1 апреля 2018 г. было объявлено об открытии политического бюро в Брюсселе Ассирийской конфедерации Европы, которая включает в себя национальные ассирийские ассоциации в Швеции, Германии, Бельгии и Нидерландах. Среди заявленных целей нового бюро – политическое лоббирование и пропаганда своих принципов в СМИ и внутри общины¹⁹.

Политическая деятельность «ориентальных» христианских партий также не обходится без диаспор. Так, предвыборная кампания весны 2018 г. лидера ассирийской Коалиции Междуречья Йонадама Канны включала в себя поездки по крупнейшим зарубежным общинам, и в первую очередь в Швецию.

Все общины имеют свои спутниковые телеканалы, которые вещают в том числе на зарубежные общины и имеют в них своих собкоров²⁰. Вещание ведется на сирийском языке, представляющем собой, по сути, обновленный вариант классического языка, долгое время сохранявшегося в основном как бо-

¹⁶ См., например, работы Марты Возняк, посвященные эмиграции ассирийцев-халдеев, или исследование Хайди Армбрустер о яковитах в Вене [Armbruster 2014].

¹⁷ В частности, яковитский патриарх в феврале 2018 г. лично присутствовал на открытии конференции в г. Зальцбурге, посвященной наследию Севира Антиохийского: Syriac Orthodox Patriarchate, February 7, 2018 // <http://syriacpatriarchate.org/2018/02/inauguration-of-conference-on-mor-severus-of-antioch-salzburg>, дата обращения 23.03.2018.

¹⁸ Так, в конце апреля 2018 г. патриарх нанес визит своей пастве в Колумбии. Кроме того, там он принял участие в III Глобальном собрании (Global Gathering) «Глобального христианского форума» (Global Christian Forum), где сделал доклад, озаглавленный: «Вместе следовать за Христом в дискриминациях, гонениях и мученичестве: Что это значит сегодня для мировой церкви?»; <http://syriacpatriarchate.org/2018/04/speech-at-the-3rd-global-gathering-global-christian-forum-bogota-colombia>, дата обращения 23.03.2018.

¹⁹ Assyrian Organization Opens Office in Brussels (2018) // AINA.org, April 1, 2018 // <http://aina.org/news/20180401145958.htm>, дата обращения 02.04.2018.

²⁰ Например, «Сурийойо», «Ашур-ТВ» (Багдад), «Ассирия-ТВ» (Иран). В начале 2017 г. было объявлено о подготовке к вещанию весной 2018 г. нового сиро-яковитского канала «Суробо» (сир. Благовестие), у которого имелись студии в Германии и Ливане.

гослужебный. Если не считать кое-где сохранявшихся ассирийских разговорных диалектов, сирийский язык когда-то вышел из употребления на целые века, и теперь на наших глазах происходит фактически возрождение мертвого языка, являющегося своего рода цементом нациестроительства этих народов. Что характерно, наибольшую активность в распространении сирийского языка через журналы, сайты и телевидение играют «сириаки», живущие за пределами ближневосточного региона.

Вечный вопрос выбора

Стоящие перед христианскими общинами Ближнего Востока проблемы приобретают особое звучание с учетом обстоятельств бытия небольших «ориентальных» церквей. Свойственная малочисленным местным общинам необходимость постоянно выбирать внешние ориентиры, силы, способные оказать материальную поддержку, накладывается для них на проблему сохранения собственного статуса этих христиан как древнейших жителей региона и носителей особой религиозной культуры и языка.

В попытках оправдать социальные ожидания паствы и в поисках политической протекции иерархия перечисленных церквей вынуждена лавировать и приспосабливаться к постоянно изменяющимся и подчас весьма суровым реалиям – в Ираке, Сирии, Турции, Ливане, Палестине²¹. Их внешнеполитическая ориентация носит парадоксальный характер устойчивой изменчивости. Правда, вместе с тем очевидна и твердость в религиозно-культурных и даже национальных устрем-

лениях, отстаиваемых перед лицом разного рода экспансий, в том числе постоянного влияния католического мира, насаждающего свои культурные устои и обрядовые формы.

Учитывая крупные и сравнительно благополучные диаспоральные сообщества единоверцев за пределами ближневосточного региона, можно обнаружить отрицательные последствия излишней ориентации на них для ближневосточной паствы этих церквей. Национально-государственная интеграция общин порой оказывается даже ниже, чем глобальная. Это имеет по крайней мере два негативных проявления. Во-первых, такой настрой выдает культурный отрыв от местных социумов с их пестрой конфессиональной структурой, углубляет разгармонизацию устоявшихся веками межрелигиозных отношений, основанных на общности родной земли. Во-вторых, живая заинтересованность в тесных контактах с единоверцами за рубежом открывает двери продолжению эмиграции из охваченных политической турбулентностью и войной районов исконного проживания (Тур-Абдин, Хаккяри, Мардин, Хамдания и другие населенные пункты Ниневии, селения близ Багдада и Дамаска и др.). Уезжают и те, кто в свое время перебрался в относительно безопасные города, в первую очередь в Бейрут. Не найдя возможности вести приемлемый уровень жизни и чувствовать себя частью общества в условиях внутренинной миграции, эти христиане постепенно покидают Ближний Восток, и нередко – навсегда. В Австралии или Канаде, Швеции или Германии они порой лучше вписываются в местный социум, а точнее в один из его диаспоральных сегментов.

21 Видимо, в ходе провозглашаемого становления неких «новых форм идентичности в новых социально-политических контекстах» [Erol 2015, p. 76].

В любом случае, углубление социальной фрагментации ближневосточных обществ, усиление региональной политико-религиозной конкуренции и обострение национального вопроса в Ираке, Сирии, Турции и Ливане не могут сами по себе являться автономными пуш-факторами. Древние «ориентальные» христианские общины, сколь бы малочисленными они не были, сами участвуют в формировании этой ситуации, а потому разделяют ответственность за судьбу собственного региона. Иное дело, что без своевременной гуманитарной поддержки или даже политической протекции им все сложнее сохранять за собой исконные земли.

Вполне возможно, что возобновившийся в последние годы с новой силой межцерковный диалог с участием Русской Православной Церкви имеет целью как раз указать этим общинам на возможность поддержки со стороны России. Правда, в таком случае потребуются серьезные дипломатические, материальные и другие средства, чтобы «российско-ориентальные» связи были подкреплены ощутимыми для людей делами. Такого рода политика поддержки древних христианских общин Ближнего Востока могла бы принести богатые плоды в деле повышения уровня жизни и общественного положения яковитов, ассирийцев, халдеев в своих обществах, а также свидетельствовать в пользу России в глазах всех жителей региона.

Вполне очевидно, что эти общины продолжают развивать разнообразие направлений своих внешних контактов. И в этой связи было бы полезно, возможно, в качестве приоритета наших отношений выделить культурное сотрудничество на светской основе, используя наработки межцерковного диалога не в качестве движения к некоему призрачному церковному сближению, а для развития гуманитарных

связей – в религиозно-культурном, историческом, этнографическом, лингвистическом научных направлениях, а также в деле изучения богатого наследия памятников архитектуры и археологических объектов. Подкрепленные реальной помощью населению в восстановлении (в инфраструктурной, медицинской, образовательной сферах) нормальной жизни в пострадавших районах, такого рода усилия обещают быть плодотворными. Эти меры, в конце концов, могут способствовать нормализации разорванных социальных связей и развороту от фрагментации ближневосточных обществ к их внутренней интеграции.

Список литературы

Булеков А. (диакон) (1999) О Маронитской церкви // Альфа и Омега. № 3(21). С. 348–449.

Вселенский II собор (I Константинопольский) (2005) // Православная энциклопедия. Т. 9. С. 580–588.

Робертсон Р. (1999) Восточные Христианские Церкви: Церковно-исторический справочник. СПб.: Высшая религиозно-философская школа.

Родионов М.А., Сарабьев А.В. (2013) Марониты: традиции, история, политика. М.: Институт востоковедения.

Саввидис (Хофманн) Т. (2012) Собратья по геноциду (Ч. 3) // Анив. №2(11) // <http://www.aniv.ru/archive/41/sobratja-po-genotsidu-prodolzhenie2-tessa-savvidis-hofmann/>, дата обращения 23.03.2018.

Шайо К. (ред.) (2001) Богословский диалог между Православной церковью и Восточными православными церквами. Москва, Женева: ББИ.

Шайо К. (2013) Жизнь и духовность восточных православных церквей: сирийской, армянской, коптской и эфиопской традиций. Киев: Дух і Літера.

Aprim F. (ed.) (2010) *Assyrians Face Religious Persecution and Ethnic Genocide Assyrians Face Oppression, Harassment, Intimidation and Murder in Iraq with the Rise of Arab Islamists and Kurdish Regional Power* // <http://www.atour.com/news/assyria/20100424a.html>, дата обращения 23.03.2018.

Armbruster H. (2013) *Keeping the Faith: Syriac Christian Diasporas*, Canon Pyon: SeanKingston Publishing.

Armbruster H. (2014) *Linked Biographies in Changing Times. Syriac Christians in Vienna* // *Ethnologie Française*, vol. 44, no 3, pp. 469–478.

Barnamaj wa al-minhaj al-siyasi li-l'tilyaf al-Rafidain 144 [Political Programm of al-Rafidain 144 Coalition] (2018) // *Zowaa*, April 10, 2018.

Erol S. (2015) *The Syriacs of Turkey: A Religious Community on the Path of Recognition* // *Archives de Sciences Sociales des Religions*, no 171, pp. 59–80.

FitzGerald Th., Gratsias E. (eds.) (2007) *Restoring the Unity in Faith: the Orthodox-Oriental Orthodox Theological Dialogue*, Brookline, Mass.: Holy Cross Orthodox Press.

Girard A. (2013) *Nihil Esse Innovandum? Maintien des Rites Orientaux et Négociation de l'Union des Églises Orientales avec Rome (fin XVIe – mi-XVIIIe s.)* // *Réduire le Schisme? Ecclésiologies et Politiques de l'Union entre Orient et Occident (XIIIe – XVIIIe siècle)* (eds. Blanchet M.-H., Gabriel F.), Paris: ACHCByz, pp. 337–352.

Heyberger B., Girard A. (2015) *Chrétiens au Proche-Orient: Les Nouvelles Conditions d'une Présence* // *Archives de Sciences Sociales des Religions*, no 171, pp. 11–35.

Hofmann T. (2016) *Die Vernichtung der aramäischsprachigen Christen im Iran und Osmanischen Reich 1914 bis 1918, Vortrag vom 14. Oktober 2011 (Gütersloh) aktualisiert.*

Ibrahim G.Y. (Metropolitan of Aleppo) (1998) *Preface* // Chaillot Ch. *The Syrian*

Orthodox Church of Antioch and All the East: A Brief Introduction to Its Life and Spirituality, Geneva: Inter-Orthodox Dialogue, pp. 8–11.

Joseph J. (1961) *The Nestorians and their Muslim Neighbors: A Study of Western Influence on Their Relations*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

Lévy M.-L. (1993) *Tous les Pays du Monde* // *Population et Sociétés*, no 282 // https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/18959/pop_et_soc_francais_282.fr.pdf, дата обращения 23.03.2018.

Messo J. (2001) *Assyria and Syria: Synonyms?* // *Bahro Suryoyo*, no 1–3.

Petrosian V. (2006) *Assyrians in Iraq* // *Iran and the Caucasus*, vol. 10, no 1, pp. 113–147.

Pison G. (2017) *Tous les Pays du Monde* // *Population et Sociétés*, no 547 // https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/26889/547.population.societes.septembre.2017.tous.les.pays.du.monde.fr.pdf, дата обращения 23.03.2018.

Poujeau A. (2014) *Drama Chrétien ou Comment Parler Politique en Syrie* // *Ethnologie Française*, vol 44, no 3, pp. 449–460.

Poujeau A. (2015) *De l'Art Poétique pour Politique: Le Rituel Funéraire des Chrétiens du Sud de la Syrie* // *Archives de Sciences Sociales des Religions*, no 171, pp. 139–163.

Raï B.B. (patriarch), Dillmann I. (2014) *Dans les Pays du Levant, la Nuit Tombe sur les Chrétiens d'Orient* // *Revue des Deux Mondes*, Mars 25, 2014 // <http://www.revuedesdeuxmondes.fr/article-revue/dans-les-pays-du-levant-la-nuit-tombe-sur-les-chretiens-dorient/>, дата обращения 23.03.2018.

Rowe P.S. (2010) *The Middle Eastern Christian as Agent* // *International Journal of Middle East Studies*, vol. 42, no 3, pp. 472–474.

Wozniak M. (2011) *National and Social Identity Construction Among the Modern Assyrians/Syrians* // *Parole de l'Orient*, no 36, pp. 547–561.

Asia: challenges and perspectives

“Oriental” Churches of Levant and Mesopotamia in Continuing Social Fragmentation

Alexey V. SARABIEV

PhD in History, Leading Researcher of the Centre of Arabic and Islamic Studies.
Address: 12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation. E-mail:
alsaraby@ivran.ru

CITATION: Sarabiev A.V. (2018) “Oriental” Churches of Levant and Mesopotamia in Continuing Social Fragmentation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 4, pp. 150–168 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-150-168

ABSTRACT. *In the present difficult circumstances in the Middle East, the position of the so-called Oriental Churches, which is united by the similarity of the liturgical language, the language of the patristic and historical heritage – Syriac, is indicative. The pre-Chalcedon faith confession of these Christians and their special Eastern church rites, despite the separation of the Uniate Catholic communities, gave them an identity that persists to this day. The fate of these ancient autochthonous Christian communities was formed not only in conditions of an alien and heterodox environment, but also in isolation, and even confrontation with the main branches of Christianity. Now, serious efforts are being made by them in the mainstream of the activities of world supra-church structures, primarily the World Council of Churches. A characteristic feature of these communities are relatively prosperous diasporal communities, which far exceed the number of co-religionists in their historical homeland, and therefore, an important part of the ministry of their church hierarchy has become diverse contacts with foreign dioceses. Moreover, against the backdrop of the rise of the*

national aspirations of the Kurds – their neighbors in the territories of historical settlement – the national argument often referring to the Aramaic or Assyrian origin is often used. The vulnerable position of the flock of these ancient but few communities in the Middle East forces them to seek material, and sometimes even political, support abroad. Russia is still using the resource of only inter-church relations, which once showed its inadequacy, but at the same time the development of cultural ties with these communities in their homeland, the financial recharge of these projects on a secular basis could also contribute to strengthening our country's image in the Middle East. The implementation of cultural, scientific and educational initiatives to support “Oriental” communities could become additional direction for Russia's fruitful participation in the fate of the region, could prevent fragmentation of the Middle Eastern societies, to improve the situation of these communities and to normalize interfaith relations in general.

KEY WORDS: Middle East, Oriental Churches, Oriental rite, social fragmenta-

tion, confessionalism, nationalism, Jacobites, Nestorians, Chaldeans, Assyrians, uniantes, Syriac

References

- Aprim F. (ed.) (2010) *Assyrians Face Religious Persecution and Ethnic Genocide Assyrians Face Oppression, Harassment, Intimidation and Murder in Iraq with the Rise of Arab Islamists and Kurdish Regional Power*. Available at: <http://www.atour.com/news/assyria/20100424a.html>, accessed 23.03.2018.
- Armbruster H. (2013) *Keeping the Faith: Syriac Christian Diasporas*, Canon Pyon: SeanKingston Publishing.
- Armbruster H. (2014) Linked Biographies in Changing Times. Syriac Christians in Vienna. *Ethnologie Française*, vol. 44, no 3, pp. 469–478.
- Barnamaj wa al-minhaj al-siyasi li-I'tilyaf al-Rafidain 144 [Political Program of al-Rafidain 144 Coalition] (2018). Zowaa, April 10, 2018.
- Bulekov A. (deacon) (1999) O Maronitskoj tserkvi [About the Maronite Church]. *Al'fa i Omega*, no 3(21), pp. 348–449.
- Chaillot Ch. (ed.) (2001) *Bogoslovskij dialog mezhdu Pravoslavnoj tserkov'yu i Vostochnymi pravoslavnymi tserkvami* [Theological Dialogue Between the Orthodox Church and Eastern Orthodox churches], Moscow, Geneve: BBI.
- Chaillot Ch. (2013) *Zhizn' i dukhovnost' vostochnykh pravoslavnykh tserkvej: sirijskoj, armyanskoj, koptskoj i efiopskoj traditsij* [Life and Spirituality of Eastern Orthodox Churches: Syrian, Armenian, Coptic and Ethiopian Traditions], Kiev: Dukh i Litera.
- Erol S. (2015) The Syriacs of Turkey: A Religious Community on the Path of Recognition. *Archives de Sciences Sociales des Religions*, no 171, pp. 59–80.
- FitzGerald Th., Gratsias E. (eds.) (2007) *Restoring the Unity in Faith: the Orthodox-Oriental Orthodox Theological Dialogue*, Brookline, Mass.: Holy Cross Orthodox Press.
- Girard A. (2013) *Nihil Esse Innovandum? Maintien des Rites Orientaux et Négociation de l'Union des Églises Orientales avec Rome (fin XVIe – mi-XVIIIe s.)*. *Réduire le Schisme? Ecclésiologies et Politiques de l'Union entre Orient et Occident (XIIIe – XVIIIe siècle)* (eds. Blanchet M.-H., Gabriel F.), Paris: ACHCByz, pp. 337–352.
- Heyberger B., Girard A. (2015) Chrétiens au Proche-Orient: Les Nouvelles Conditions d'une Présence. *Archives de Sciences Sociales des Religions*, no 171, pp. 11–35.
- Hofmann T. (2016) *Die Vernichtung der aramäischsprachigen Christen im Iran und Osmanischen Reich 1914 bis 1918*, Vortrag vom 14. Oktober 2011 (Gütersloh) aktualisiert.
- Ibrahim G.Y. (Metropolitan of Aleppo) (1998) Preface. *Chaillot Ch. The Syrian Orthodox Church of Antioch and All the East: A Brief Introduction to Its Life and Spirituality*, Geneva: Inter-Orthodox Dialogue, pp. 8–11.
- Joseph J. (1961) *The Nestorians and their Muslim Neighbors: A Study of Western Influence on Their Relations*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Lévy M.-L. (1993) Tous les Pays du Monde. *Population et Sociétés*, no 282. Available at: https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/18959/pop_et_soc_francais_282.fr.pdf, accessed 23.03.2018.
- Messo J. (2001) Assyria and Syria: Synonyms? *Bahro Suryoyo*, no 1–3.
- Petrosian V. (2006) Assyrians in Iraq. *Iran and the Caucasus*, vol. 10, no 1, pp. 113–147.
- Pison G. (2017) Tous les Pays du Monde. *Population et Sociétés*, no 547. Available at: https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/26889/547.population.societes.septembre.2017.tous.les.pays.du.monde.fr.pdf, accessed 23.03.2018.

Poujeau A. (2014) Drama Chrétien ou Comment Parler Politique en Syrie. *Ethnologie Française*, vol. 44, no 3, pp. 449–460.

Poujeau A. (2015) De l'Art Poétique pour Politique: Le Rituel Funéraire des Chrétiens du Sud de la Syrie. *Archives de Sciences Sociales des Religions*, no 171, pp. 139–163.

Raï B.B. (patriarch), Dillmann I. (2014) Dans les Pays du Levant, la Nuit Tombe sur les Chrétiens d'Orient. *Revue des Deux Mondes*, Mars 25, 2014. Available at: <http://www.revuedesdeuxmondes.fr/article-revue/dans-les-pays-du-levant-la-nuit-tombe-sur-les-chretiens-dorient/>, accessed 23.03.2018.

Robertson R. (1999) *Vostochnye Khristianskie Tserkvi: Tserkovno-istoricheskij spravocnik* [Eastern Christian Churches: a Church-Historical Reference], Saint Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola.

Rodionov M.A., Sarabiev A.V. (2013) *Maronity: traditsii, istoriya, politika* [Maronites: Traditions, History, Politics], Moscow: IOS RAS.

Rowe P.S. (2010) The Middle Eastern Christian as Agent. *International Journal of Middle East Studies*, vol. 42, no 3, pp. 472–474.

Savvidis (Hofmann) T. (2012) Sobrat'ya po genotsidu: (Ch. 3) [Brothers in Genocide (Part 3)]. *Aniv*, no 2(11). Available at: <http://www.aniv.ru/archive/41/sobratja-po-genotsidu-prodolzhenie2-tessa-savvidis-hofmann/>, accessed 23.03.2018.

Vselenskij II sobor (I Konstantinopol'skij) [II Ecumenical Council (Constantinople I)] (2005). *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], vol. 9, pp. 580–588.

Wozniak M. (2011) National and Social Identity Construction Among the Modern Assyrians/Syrians. *Parole de l'Orient*, no 36, pp. 547–561.